

СЕМЬ ШАГОВ
ВО ТЬМУ

КНИГА 1

Анна Рад

СЕМЬ ШАГОВ
ВО ТЬМУ

КНИГА 2

Анна Рад

СЕМЬ ШАГОВ
ВО ТЬМУ

КНИГА 3

Анна Рад

СЕМЬ ШАГОВ
ВО ТЬМУ

КНИГА 4

Анна Рад

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СЕМЬ ШАГОВ ВО ТЬМУ

КНИГИ 1-4

ОДИН БИЛЕТ
ВО ТЬМУ

ADMIT ONE

Анна Рад

18+

Анна Рад

Сборник. Семь шагов во тьму. Книги 1–4

<https://litres.ru/74426887>

SelfPub; 2026

Аннотация

Один билет. Четыре книги. И десятки дорог, с которых лучше было бы свернуть.

Маньяки и чудовища. Проклятия и необъяснимые явления. Обычные люди, которые однажды открывают не ту дверь, доверяют не тому человеку или замечают то, чего видеть не должны.

«Семь шагов во тьму. Книги 1–4» — большой сборник коротких историй, где привычный мир может превратиться в кошмар за несколько страниц. Здесь невозможно заранее понять, кто охотник, кто жертва и что на самом деле скрывается за очередным совпадением.

Каждая история ведёт к собственной развязке. Иногда страшной. Иногда жестокой. А иногда такой, после которой хочется вернуться к началу и проверить: не было ли предупреждение прямо перед глазами?

Не пытайтесь угадать финал.

Просто сделайте первый шаг.

Остальные приведут вас во тьму.

Содержание

ПРЕЗЕРВАТИВ В ГРОБУ	5
СМОТЯЩИЙ	26
ЧУДОВИЩЕ ИЗ ВОЛЧЬЕЙ ПАДИ	38
ПРИШЕЛЕЦ	50
НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ	59
КИТАЙСКИЙ ЗАГОВОР	68
НА ВЕЧНОСТЬ	75
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Анна Рад

Сборник. Семь шагов во тьму. Книги 1–4

ПРЕЗЕРВАТИВ В ГРОБУ

Я, Андрей Воскресенский, с раннего детства мечтал проектировать небоскрёбы для больших городов. Мне не терпелось стряхнуть с ботинок пыль родного Вязовска и сделать в жизни что-нибудь стоящее.

Всё шло по плану ровно до той недели, когда за семь дней до защиты диплома в МАРХИ моего отца скосил обширный инфаркт.

Ирония судьбы: владелец и распорядитель похоронного дома «Вечный покой», мой отец, сам превратился в клиента собственного заведения и оказался в одном из залов прощания.

Похоронный бизнес был семейным делом Воскресенских на протяжении нескольких поколений. Как только я узнал о смерти отца, сразу понял: мать, Лидия, будет ждать, что я займу его место.

До защиты оставалась неделя, и я знал: уехав из Москвы на похороны, обратно уже не вернусь. Я хорошо учился, гор-

дился своими успехами и перспективами, и потому мысль о том, что диплом мне просто выдадут позже, казалась особенно горькой.

Хотя, если рассуждать здраво, какой прок от диплома архитектора владельцу похоронного дома в Вязовске?

Можно повесить на стену.

Или засунуть куда подальше.

Теперь это уже не имело значения. Вероятно, резюме мне больше никогда не понадобится.

Каждое лето я помогал отцу и успел освоить почти все тонкости похоронного дела. Поэтому занять его место оказалось несложно.

Во всяком случае, технически.

С мертвецами у меня вообще были особые отношения ещё со школы. Мало кому из девушек хотелось встречаться с парнем, который на каникулах помогает готовить покойников к похоронам. Я уже не помню, сколько раз одноклассники отпускали на эту тему шуточки.

Да и фамилия Воскресенский давала им богатую пищу для фантазии.

— Воскресенский, ну что, кого сегодня воскресил?

Эту шутку я впервые услышал лет в восемь.

Смешнее с годами она не стала.

Среди всего этого нашлась только одна девушка, которую моя семейная профессия почти не смущала.

Кира Мартынова.

За исключением одного свидания, на которое я явился, всё ещё пахнув дезинфицирующим раствором, наши отношения были практически идеальными.

Кира заканчивала медицинский университет и собиралась стать хирургом. Мы планировали пожениться после выпуска. Ей уже предложили место в хорошей московской клинике, а меня ждали в крупном архитектурном бюро.

Не было никаких сомнений, что Кира любила меня и хотела стать моей женой.

Но я прекрасно понимал: в Вязовске она никогда не будет счастлива.

Мне пришлось позвонить в архитектурное бюро и сказать, что на работу я не выйду.

Никогда прежде я не чувствовал себя настолько раздавленным.

Моя карьера и, как мне тогда казалось, мой будущий брак закончились в ту секунду, когда остановилось сердце отца.

Теперь я буду до конца своих дней заниматься похоронами и готовить чужих покойников к последнему путешествию.

Мать, братья отца, остальные родственники — все рассчитывали на меня.

Я не мог их подвести.

Откладывать неизбежное не имело смысла.

Я позвонил Кире.

Она ответила почти сразу:

— Андрей! Я как раз хотела тебе звонить. Ты когда возвращаешься в Москву? У меня через две недели первый рабочий день. А ты когда выходишь в своё бюро?

Я рассказал ей всё.

В трубке повисла тишина.

Я понял, что она плачет.

— Я знаю, насколько для тебя важна хирургия, — сказал я. — И никогда не стану мешать тебе заниматься тем, о чём ты мечтала. Мне нужно остаться здесь. Мама и родственники отца без меня не справятся.

— Андрей...

— Не надо.

— Мне не обязательно оставаться в Москве.

— Обязательно.

— Я люблю тебя.

Я закрыл глаза.

— Именно поэтому я не хочу, чтобы ты похоронила себя здесь вместе со мной.

Она замолчала.

— Я найду работу в Твери. Или где-нибудь рядом.

— И через год возненавидишь Вязовск. Через два — меня. Кира, моя жизнь здесь уже решена. А твоя только начинается. Не губи её из-за меня.

— Ты даже не даёшь мне самой решить.

Я почувствовал, как по щеке скатилась слеза.

— Прости.

И отключился.

Продолжать этот разговор я не мог.

Кира звонила ещё несколько раз.

Я не отвечал.

После похорон отца я без всякой паузы присоединился к его братьям — Виктору и Борису — и нашему родственнику Николаю Степановичу.

Работы хватало.

Накануне вечером привезли два тела: мужчина умер от инфаркта, пожилая женщина — после долгой болезни.

Родственники без возражений признали меня новым главой похоронного дома. При отце они всегда оставались на вторых ролях и понимали, что теперь семейное дело переходит ко мне.

Больше меня беспокоило другое: как жители города воспримут двадцатитрёхлетнего парня, которому теперь предстоит заниматься похоронами их родителей, супругов и детей.

Время показало, что я переживал напрасно.

Прошло несколько месяцев.

Всё шло спокойно.

Возникали обычные проблемы: документы, место на кладбище, церемония прощания, внешний вид покойного, выбор гроба, венков, транспорта.

Ничего такого, с чем я раньше не сталкивался вместе с отцом.

А потом Ирина Журавлёва, вдова одного из наших клиентов, обнаружила в гробу мужа презерватив.

Запечатанный.

Он был засунут под бархатную обивку.

Через минуту Ирина ворвалась в мой кабинет, пунцовая от ярости, и швырнула упаковку мне на стол.

— Какого чёрта это делает в гробу моего мужа?

Я посмотрел сначала на неё, потом на презерватив.

— Понятия не имею.

— Это ваш похоронный дом!

— Ирина Павловна, уверяю вас, никто из моих сотрудников не имеет привычки раскладывать презервативы по гробам.

Она уставилась на меня.

Я продолжил:

— Гроб два дня находился в открытом зале прощания. Туда заходили десятки людей. Сделать это мог кто угодно.

Она немного успокоилась.

— Камеры у вас есть?

— Простите?

— Видеонаблюдение. Может, этот урод попал на запись?

Я помедлил.

— В самих залах камер нет.

Это была ложь.

— Мне очень жаль, что так произошло. Но боюсь, здесь я ничем не смогу помочь.

Она забрала презерватив и ушла, хлопнув дверью.

Я подождал несколько секунд.

Потом сразу направился в комнату наблюдения.

Камеры в залах были.

Отец установил их несколько лет назад после кражи золотой цепочки с покойника.

Я открыл архив с момента, когда тело Журавлёва привезли в зал.

Промотал несколько часов.

Посетители.

Родственники.

Сотрудники.

Уборщица.

Ночь.

В 02:20 изображение внезапно перескочило.

Я остановил запись.

Перемотал назад.

Попробовал снова.

Ничего.

Сорок пять минут отсутствовали.

Кто-то удалил этот участок.

Я несколько минут неподвижно смотрел на монитор.

Теперь всё выглядело совсем иначе.

Презерватив в гроб положил не случайный посетитель.

Посторонний человек не знал бы о камерах.

И уж точно не смог бы удалить запись.

Это сделал кто-то из сотрудников.

Я взял лист бумаги и написал:

Виктор Воскресенский — брат отца.

Борис Воскресенский — брат отца.

Николай Родин — родственник отца.

Павел Ветров — помощник.

Евгений Снегирёв — помощник.

Лидия Воскресенская — моя мать.

Шесть человек.

Кто-то из них знал пароль.

Кто-то вошёл ночью в зал.

Кто-то удалил сорок пять минут записи.

И зачем-то оставил презерватив в гробу.

Первым я заподозрил Виктора.

Он никогда не был женат, всегда держался особняком, а отец однажды упоминал, что несколько раз заставлял его в похоронном доме глубокой ночью без всякой видимой причины.

В тот вечер я осмотрел все тела.

Четыре находились в залах прощания.

Ещё два — в подготовительной.

На теле мужчины, которым днём занимался Виктор, я заметил странное раздражение в уголках рта.

Возможно, ничего необычного.

Возможно, я уже начал видеть то, чего не было.

Но внутри поселилось липкое предчувствие.

Этой ночью что-то должно было произойти.

Я уехал около половины десятого.

Доехал почти до выезда из города.

Развернулся.

Машины оставил в нескольких кварталах от похоронного дома и вернулся пешком.

Через служебный вход пробрался внутрь.

Ночью «Вечный покой» становился совсем другим местом.

Днём здесь разговаривали родственники, звучала музыка, хлопали двери.

Теперь стояла почти абсолютная тишина.

Только гудели холодильные установки.

Пахло дезинфекцией и цветами.

Я сел в кресло в одном из залов и выключил свет.

Первые два часа держался.

Потом задремал.

В три часа утра меня разбудили шаги.

Я мгновенно поднялся.

Шаги приближались.

Я вышел в коридор и щёлкнул выключателем.

Под потолком вспыхнули лампы.

Передо мной стояла мать.

— Андрей?

Она явно не ожидала меня увидеть.

— Что ты здесь делаешь?

— Я хотела спросить тебя о том же.

Мать поправила сумочку.

— Забыла бумаги для утренних похорон. Не хотелось утром приезжать раньше времени. Я здесь всё знаю наизусть, поэтому свет не включала.

— В три часа ночи?

— Не спалось.

Я рассказал ей про презерватив.

Про удалённую запись.

Про свои подозрения.

Она долго молчала.

— Ты действительно думаешь, что кто-то из наших может надругаться над покойником?

— А зачем ещё кому-то понадобился презерватив?

Мать пожала плечами.

— Люди чего только не кладут в гробы. Сигареты, фотографии, бутылки, телефоны...

— Только жена Журавлёва явно не знала о последней воле мужа.

— Тогда не знаю.

— Запись кто-то удалил, мам.

Она посмотрела на меня.

— Андрей, эти люди десятилетиями работали с твоим отцом. Если бы происходило что-то подобное, он бы обязательно узнал.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

На этом разговор закончился.

Мы разъехались ещё до рассвета.

В ту ночь я так и не уснул.

На следующий день я вызвал специалиста по видеонаблюдению.

Под видом модернизации системы попросил установить дополнительные скрытые камеры.

Доступ к ним был только у меня.

Каждое утро я просматривал записи.

Неделя.

Месяц.

Два.

Три.

Ничего.

Я уже начал думать, что всё закончилось.

А потом увидел Евгения.

Около часа ночи он вошёл в подготовительную, где находилось тело молодой девушки.

Откинул простыню.

То, что произошло дальше, не оставляло сомнений в его намерениях.

Утром я вызвал Женю в кабинет.

Он вошёл как обычно.

— Закрой дверь.

Он закрыл.

Я развернул монитор.

Его лицо изменилось.

— Андрей Владимирович...

— Можешь ничего не объяснять.

— Я...

— Ты уволен.

Он несколько секунд молчал.

— Простите.

— Собирай вещи.

Женя поднялся.

У двери остановился.

— Я не могу оправдать то, что сделал. Это была мерзость.

Я ничего не сказал.

Он взялся за ручку.

— Но вы должны знать одну вещь.

Я посмотрел на него.

— Я здесь не единственный, кто иногда... развлекается с мертвецами.

— Что?

Женя открыл дверь.

— Спросите родственников.

— Стой.

Но он уже вышел.

До этой фразы я почти убедил себя, что загадка презерватива решена.

Теперь слова Жени застряли в голове занозой.

Перед Новым годом я случайно узнал от общего знакомого, что Кира приехала к родителям на праздники.

Мне отчаянно захотелось увидеть её.

Узнать, как она живёт.

Как работа.

И главное — появился ли у неё кто-нибудь.

Я взял телефон.

Нашёл её номер.

Долго смотрел на экран.

Потом положил телефон обратно.

Какой смысл?

Я сам заставил её уйти.

Звонок только разбередил бы старые раны.

Через несколько дней телефон разбудил меня посреди ночи.

Звонил знакомый сотрудник полиции.

— Андрей?

— Да.

— На трассе серьёзная авария. Несколько пострадавших. Один человек погиб на месте.

Я не понимал, почему он звонит лично мне, а не на дежурный номер похоронного дома.

Он замолчал.

И я всё понял раньше, чем услышал имя.

— Андрей... погибла Кира Мартынова.

У меня перехватило дыхание.

— Что?

— Мне очень жаль.

Я сел на кровати.

— Нет.

— Андрей...

— Ты уверен?

Глупый вопрос.

Конечно, он был уверен.

— Её родители уже знают. Тело скоро передадут.

Перед глазами возникло лицо Киры.

Живое.

Смеющееся.

— Андрей, ты меня слышишь?

— Да.

Я отключился.

Оделся и поехал в похоронный дом.

Когда я приехал, машина уже отъезжала.

Вошёл через служебную дверь.

Мешок с телом лежал на металлическом столе.

Борис посмотрел на меня.

— Андрюша, мне очень жаль.

Я молчал.

— Давай мы с Виктором всё сделаем сами.

Я кивнул.

Но потом посмотрел на чёрный мешок.

В голову полезла совершенно идиотская мысль.

А вдруг ошибка?

Вдруг это не она?

Я подошёл к столу.

— Андрей, не надо, — сказал Борис.

Я расстегнул молнию.

И совершил одну из самых страшных ошибок в своей жизни.

За годы работы я видел сотни мёртвых.

После аварий.

Падений.

Пожаров.

Но к тому, что осталось от лица Киры, я оказался не готов.

Одна сторона была страшно изуродована ударом. Там, где я помнил её улыбку и гладкую кожу, теперь были кровь, повреждённая ткань и обнажившиеся зубы. Часть волос была вырвана вместе с кожей.

Я смотрел несколько секунд.

Потом мир качнулся.

Ноги перестали держать.

Я рухнул на пол.

Очнулся через несколько часов в комнате отдыха.

Киру уже подготовили к прощанию.

Гроб закрыли.

Я испытывал стыд за свой обморок.

И одновременно облегчение от того, что мне не пришлось самому заниматься её телом.

В тот же день пришло сообщение от Жени.

Он долго думал после увольнения и решил всё-таки рассказать правду.

Он утверждал, что неоднократно заставлял Бориса за недопустимыми действиями с телами умерших женщин. По словам Жени, Борис относился к этому почти как к шутке.

Женя также признался, что сам не раз переходил границу допустимого.

Но главное было в конце:

«Поверьте, Андрей Владимирович, это происходит не только у вас. Просто люди предпочитают не знать, что случается с покойниками, когда рядом никого нет».

Я перечитал сообщение.

Потом открыл архив скрытых камер.

Десять записей не показали ничего необычного.

На одиннадцатой появился Борис.

На столе лежала двадцатидвухлетняя девушка, утонувшая несколькими днями раньше.

Я помнил её.

Красивая брюнетка.

Борис запер дверь.

Подошёл к телу.

Откинул простыню.

Через несколько секунд стало ясно, что Женя не солгал.

Я должен был выключить запись.

Но продолжал смотреть.
Меня тошнило от Бориса.
От происходящего.
От самого себя за то, что я всё ещё сидел перед экраном.
А потом я заметил ещё кое-что.
Собственную физиологическую реакцию.
Я замер.
Нет.
Этого просто не могло быть.
Я отодвинулся от монитора.
Но ничего не изменилось.
Меня затошнило ещё сильнее.
Борис проработал рядом с отцом двадцать лет.
Сколько раз он делал это раньше?
Десять?
Пятьдесят?
Сто?
И почему отец ничего не замечал?
Или замечал?
Может быть, отец знал?
Я заставил себя отогнать эту мысль.
Она была слишком мерзкой.
Но впереди оставалась ещё одна запись.
И она оказалась хуже всего, что я видел до этого.
На металлическом столе лежал мужчина средних лет.
Его подготовили вечером и должны были перенести в

гроб утром.

Около половины четвёртого дверь открылась.

В помещение вошла мать.

На ней было длинное пальто.

То самое, в котором я встретил её ночью.

Она заперла дверь.

Поставила на стол чёрную сумку.

Сняла пальто.

Я перестал дышать.

Теперь я понял, зачем она приезжала сюда в три часа утра.

И понял, что никаких забытых документов тогда не существовало.

Мать достала из сумки медицинское приспособление и начала готовить тело.

Я ещё надеялся, что неправильно понял её намерения.

Через несколько минут надеяться было уже не на что.

Происходящее на экране не оставляло сомнений: моя мать использовала тело умершего мужчины для секса.

Я выключил звук.

Но изображение почему-то оставил.

Наверное, человек иногда продолжает смотреть именно потому, что больше всего хочет отвернуться.

Она действовала спокойно.

Уверенно.

Без колебаний.

И именно эта уверенность была страшнее любых подроб-

ностей.

Это происходило не впервые.

Я смотрел на женщину, которая растила меня, читала мне сказки, готовила завтраки, сидела возле моей кровати, когда я болел.

И не узнавал её.

Я собирался передать запись с Борисом полиции.

Но теперь там была мать.

Моя собственная мать.

Я закрыл видео.

Встал.

Прошёлся по кабинету.

И только тогда обнаружил самое страшное.

Моё тело снова отреагировало.

Даже после увиденного.

Даже после того, как на экране была моя мать.

Я смотрел на себя с таким отвращением, словно обнаружил внутри собственного тела паразита.

Но реакция не исчезала.

Я сел обратно.

На мониторе было несколько окон с камер.

Пустой коридор.

Подготовительная.

Холодильная камера.

Зал прощания.

И тогда я вспомнил о Кире.

О любви всей моей жизни.

Она лежала совсем рядом.

Одна.

В закрытом гробу.

Я посмотрел на часы.

До утра оставалось несколько часов.

В похоронном доме никого не было.

Кроме меня.

И мёртвых.

Я должен был позвонить в полицию.

Должен был сохранить записи.

Передать их следователям.

Я действительно собирался это сделать.

Но вместо телефона моя рука легла на компьютерную
мышь.

На экране находилась кнопка управления системой на-
блюдения.

Я посмотрел на изображение из зала, где лежала Кира.

Вспомнил её живой.

Москву.

Наши планы.

Её последний разговор со мной.

«Я люблю тебя».

Когда-то я отказался от неё, потому что не хотел разру-
шать ей жизнь.

Теперь разрушать было уже нечего.

Я почувствовал, как во мне снова поднимается та самая тягучая, липкая тяга.

И впервые не попытался её подавить.

Курсор остановился над кнопкой.

Я выключил камеры.

СМОТРЯЩИЙ

Борис Буров был невысоким, плотным деревенщиной с крупной родинкой на самом кончике носа. В любое время года он носил клетчатые рубашки и комбинезон на лямках, и сейчас, припарковавшись на пустынном краю торгового центра, он как раз разглядывал длинноногую красотку на шпильках. Она шла к старой Kia 2010 года, и это несоответствие резануло его по—своему: такое платье, такой каблук — и такая развалюха.

Он смотрел, как она переступает через выбоины в асфальте, и не понимал, как у неё ещё лодыжки целы. Игольное ушко, не иначе. Единственное, что приходило в голову: сучка просто не хотела, чтобы кто—то видел, на чём она ездит.

Он завёл двигатель и покатил следом, держась прямо по курсу, чтобы она ничего не заметила, пока не станет слишком поздно.

С каждым метром взгляд сам собой сползал ниже — на её задницу. Настоящая задница Дженнифер Лопес. Господи, что за вид.

В двадцати футах от Kia Буров остановил фургон «Ford Transit», выскочил наружу, в два шага настиг её и прижал к лицу тряпку с хлороформом. Она рванулась, забилась, но через несколько секунд обмякла и сползла по его рукам на асфальт. Буров подхватил её, открыл боковую дверцу и за-

швырнул внутрь, как мешок с картошкой.

Через полчаса он уже заносил её в свою конуру — так он называл собственное жильё, — и привязывал к столу из фанеры.

Под резким светом люминесцентной лампы он разглядывал её лицо: макияж плотно лежал, скрывая возраст, а губы блестели влажным алым — такой блеск он видел только в кино. Декольте платья было глубоким, и весь наряд сидел по фигуре, подчёркивая каждый изгиб.

Он взял её сумочку Michael Kors и принялся рыться внутри. В кошельке нашлись двадцать тысяч — он забрал их. Права оказались на имя Яны Лазаревой, с адресом в башне «Ашлон», комплекс «Москва—Тауэрс».

Два часа спустя Яна застонала, затем открыла глаза. Когда она поняла, что её запястья и лодыжки прикручены к столу, она дёрнулась и закричала — резко, истошно.

Буров сгрёб её правую грудь и сжал так, что она взвизгнула. «Заткнись, сучка, — рывкнул он. — Мы в глуши, никто не услышит. Закроешь рот, а то я вышибу из тебя всё дерьмо».

Крик оборвался, и она заскулила, часто дыша:

— Чего ты хочешь?

— Я ещё не решил. Может, трахнуть, может, отсосёшь, может, выкуп сдеру. Вариантов много. Но пока я ничего о тебе не знаю.

— Я сделаю что угодно, только не делай мне больно.

— Всё что угодно? — он скривился в похотливой усмешке. — Папаша твой или муж — богатые?

Яна помедлила, обдумывая, и ответила:

— Нет, папа не богатый, и я не замужем.

— На счету хоть что—то есть?

— Нет, я просто модель. Пытаюсь стать кинозвездой, но я в Москве всего несколько месяцев. Трудно получать роли, когда только начинаешь. Так что пока я работающая девушка.

— Работающая девушка? Шлюха, что ли?

— Эй, это временно. Посмотри на меня. Я выгляжу как звезда, правда? Мне перекроили всё лицо — один из лучших пластических хирургов в Москве, я жила с ним. Каждая черта доведена до совершенства, чтобы нравиться мужчинам.

— Ладно, красивая, не спорю.

— У меня отличная задница и большие сиськи — пальчики оближешь, да? Лучшее, что можно купить за деньги. Так ведь?

— Не стану отрицать. Ты тут лучшая, что заезжала в эту дыру. Это точно.

— А руки и ноги видел? Какие изящные?

Буров кивнул: «Заметил, когда привязывал».

— Тело в идеальной форме. Каждый день качаюсь, чтобы поддерживать его. Могу сыграть любую роль — кого угодно, лишь бы продюсер взял.

Она перевела дух и продолжила:

— И я изучала Камасутру. Всё руководство, все позы. На случай, если придётся переспать свой путь наверх.

Она видела, как он пожирает её взглядом, и замолчала, выжидая.

— Слушай, если развяжешь меня, я сделаю так, что ты не пожалеешь. Такое, чего никто никогда не делал. Сегодня твой счастливый день. Как тебя зовут?

— Буров.

— Буров... Какое интересное имя, — она хлопнула ресницами.

— Леди, вы думаете, я вчера родился? Развяжу — и ты смоешься быстрее, чем я успею моргнуть. Или чем—нибудь тяжёлым проломишь мне череп.

Яна выдохнула:

— Я просто хочу показать тебе, на что способна. У тебя есть наручники? Привязанная к столу, я мало что могу сделать.

— Вообще—то, есть. Но не знаю, стоит ли...

— Прикуй меня к батарее. Как только я покажу, что могу, — мы договоримся.

Буров снова провёл глазами по её телу и наконец сказал:

— Я согласен. Но перед тем как ты выкинешь какой—нибудь фокус, запомни: я выжимаю сто сорок килограммов лёжа. Если разозлишь меня — ты пожалеешь, что родилась на свет.

Он достал наручники из ящика столика, защёлкнул один

браслет на левом запястье Яны, второй пристегнул к батарее рядом со столом. Потом отстегнул ремни с её запястий и лодыжек.

Яна ударила мгновенно — ребром ладони, под челюсть, с такой резкостью, что здоровяк рухнул как подкошенный. Она проворно сняла кольцо с правого соска и штифтом открыла наручник. Она была профессиональной иллюзионисткой и артисткой — верёвки, цепи, наручники для неё были детской игрой.

Она перетащила Бурова на стол и привязала его самого за запястья и лодыжки. Затем подошла к картотечному шкафу в маленьком кабинете и начала рыться в папках. Первая же нашлась — выписки с Каймановых островов. Последняя показывала остаток в восемнадцать миллионов долларов.

Во второй папке, с пометкой «Собственность», лежали три документа на недвижимость за пределами РФ. Самую дорогую — на юге Франции — он купил два года назад за пятнадцать миллионов. По счетам кредитных карт выходило, что он бывал там по несколько раз в месяц.

В третьей папке, датированной прошлым месяцем, Яна обнаружила преискуронт на извлечённые органы. Средняя стоимость человеческого тела выходила около полумиллиона долларов. Печка — сто семьдесят тысяч. Печень — сто тридцать. Сердце — девяносто.

Меньше чем за полчаса в этом зловонном углу глуши Яна нашла настоящее золотое дно.

Она отыскала в шкафчике нашатырь и привела Бурова в чувство. Очнувшись, он заорал:

— Дай мне до тебя добраться, сучка!

Яна знала все болевые точки — для защиты, для нападения, для допроса. Она прижала палец к нерву у его ключицы, и от почти незаметного нажима Буров зашёлся в крике.

Через несколько часов всё, чем владел Буров, перешло к Яне. Она усмехнулась, глядя на него:

— Я удивлена, как долго ты продержался. Почти не сдавался.

— Заткнись, пизда!

— Итак, Буров, скажи мне: кто прибудет сюда следующим и какова будет их миссия?

— Пошла ты.

— Буров, зачем ты продолжаешь этот спектакль? Ты уже знаешь, что скажешь мне всё. Рано или поздно. Она снова нажала на ту же точку — на десять секунд. Буров закричал, захлёбываясь агонией.

— Скажи, или я сделаю большее.

Глаза Бурова расширились от ужаса, и он наконец сломался:

— Док Илья Вельский приедет в четыре, чтобы извлечь твои органы. Представитель Синдиката будет в девять, обменяет их на полмиллиона. Мы с Доком делим наличные. Свиньи сзади уничтожают улики.

Яна обыскала хижину и нашла несколько пистолетов и

двустволку двенадцатого калибра. Когда—то она готовилась к роли профессиональной убийцы в боевике — фильм так и не сняли, зато стрелять она научилась отлично.

В 16:05 за двором остановилась машина, раздался стук в дверь. Яна прорычала что—то неразборчивое низким голосом. Дверь открылась, и внутрь шагнул высокий худой мужчина, не глядя по сторонам.

Когда доктор Илья Вельский обернулся, он увидел Яну с ружьём, направленным ему в живот.

— Кто ты? Где Буров?

— Буров без сознания на столе, под простынёй. Я — предполагаемая жертва.

Илья Вельский окинул её взглядом — лицо, фигуру, — как дорогое полотно.

— Буров говорил, что у тебя лицо, способное пустить на воду тысячу кораблей. Он не ошибся. Этот ублюдок тебя трахнул?

— Нет. Он совершил ошибку, когда позволил уговорить себя отвязать меня от стола и приковать к батарее. У меня чёрный пояс по карате.

— Господи, этот придурок точно не в ту сторону посмотрел. Я знал, что его член доведёт его до беды. Надо было выбирать страшненьких, на которых никто не взглянет, — а он вечно тащился к красоткам.

— Как долго ты работаешь с Буровым и Синдикатом?

— Это моя третья заготовка. Ну что, — он пожал плечами,

— полицию вызовешь? Вышибешь нам мозги? Что?

Она покачала головой и улыбнулась:

— Нет. Я хочу быть твоим партнёром. Вместо того чтобы извлекать мои органы, я хочу занять место Бурова и работать с тобой.

Илья Вельский ошеломлённо уставился на неё.

Яна мотнула ружьём в сторону стола, где лежал Буров.

— Эй, Док, не стой просто так. Давай, шевелись. Синдикат будет в девять.

Илья Вельский поставил саквояж с хирургическими инструментами на стол, снял простыню с обнажённого тела Бурова и начал подключать его к мониторам и капельницам.

Яна оглядела помещение:

— Ты знаешь, где всё, чтобы поместить органы после извлечения?

— Для этого я здесь. Буров похищает, я делаю всё остальное.

Доктор на мгновение прервался и бросил как бы между делом:

— Какой смысл мне делать операцию? Ты всё равно меня убьёшь.

— Ты этого не знаешь. Я никого не убивала в своей жизни. Это ты убиваешь Бурова, а не я. Ты профессиональный убийца. Я — жертва, которая хочет отомстить. И к твоему сведению, у меня нет денег. Студенческие кредиты, машина... Так что я хочу быть твоим партнёром и делить деньги

с тобой.

— Так почему бы не опустить ружьё и не ударить по рукам?

Яна улыбнулась:

— Извини, я молодая, но не глупая. Я не знаю твоих стимулов и союзов. Не знаю, насколько близок ты был с Буровым или каковы твои отношения с Синдикатом. Слишком много вопросов, чтобы опускать ружьё.

— Ладно, — сдался он и включил ещё один монитор. — Продолжу и буду надеяться, что твоё слово стоит так же много, как твоя внешность.

— Если это имеет значение, — так и есть.

Закончив все приготовления, Илья Вельский надел пластиковый щиток на лицо и взял костную пилу. Затем вдруг хлопнул себя ладонью по лбу:

— Чёрт, я опять забыл анестезию. Если бы моя голова не была прикручена так крепко, я бы и это забыл.

Яна отозвалась:

— Там хлороформ в пластиковом пакете на стойке, если поможет.

Доктор взял пакет, применил хлороформ и начал пилить. Кровь разбрызгалась по щитку и по зелёной хирургической форме.

Почти через четыре часа извлечение было завершено, и органы лежали на льду в пенопластовых контейнерах. Яна наконец выдохнула и, помолчав, прокомментировала:

— Что ж, Док, должен сказать, ты точно знаешь, что находится внутри тела.

— Если видел одно — видел всё, за редкими исключениями.

Ровно в девять раздался стук в дверь. Яна кивнула доктору открывать.

Илья Вельский подчинился. Вошёл мужчина арабской наружности с чёрным саквояжем. Увидев Яну с ружьём, он перевёл взгляд на доктора:

— Кто эта цыпочка?

— Она была предполагаемой жертвой. Застала Бурова врасплох и поменялась с ним местами. Теперь она мой поделник по этой партии.

Лицо араба потемнело.

— Буров никогда не выглядел для меня здоровым. Он был толстым и не в форме. Я не знаю...

— Чушь! — рявкнул доктор. — Буров был силён как бык. Мог оторвать тебе голову и засунуть её тебе в задницу, если б захотел. Он говорил, что выжимает сто сорок килограммов лёжа, и я ему верю.

Араб подошёл к контейнерам, внимательно осмотрел товар.

Илья Вельский сказал:

— Всё на месте. Как всегда.

Араб выглядел недовольным.

— Полагаю, это последняя партия с этой точки, раз Буров

скопылся?

— Понятия не имею, — доктор повернулся к Яне.

— Со всеми моими навыками я могу сделать всё, что захочу. Мы с Доком дадим вам знать. Кстати, когда следующая партия?

Араб ответил:

— Через две недели. Но ты не выглядишь такой уж крутой. Ты действительно ожидаешь, что я поверю, что ты решишь занять место Бурова?

— Я без проблем уложила Бурова, разве нет? Думаю, справлюсь и с такой же молоденькой девушкой, какую вы, отбросы, хотите. Дай—ка посмотрю, что у тебя в саквояже.

Араб двинулся к чёрной сумке, расстегнул молнию и показал ей пачки стодолларовых купюр.

Затем, в долю секунды, он выхватил из—за пояса «Глок» и наставил на Яну.

Яна выстрелила первой. Дробь разнесла ему голову, пробила правую сторону груди доктора и продырявила большинство контейнеров с органами.

Обезглавленный араб рухнул на пол, руки его судорожно дёргались в предсмертной агонии. Доктор отлетел к стене и застыл лицом вверх с открытыми глазами. Тающий лёд, смешанный с кровью, капал из контейнеров на ковёр.

Яна обратилась к пустоте:

— Что ж, Хамид, Мустафа, как тебя там, — скажу сейчас: я никогда на самом деле не планировала похищать молодень-

ких девушек, чтобы вы извлекали их органы. Ты не знал. Но теперь, когда я стала богатой, думаю, я стану продюсером и сниму себя в следующем топовом фильме. Как только я убежусь из этой дыры — все дороги для меня открыты.

Яне потребовалось четыре ходки, чтобы перетащить три тела и контейнеры с органами на задний двор и зашвырнуть их в загон, полный свиней. Она закрыла глаза и отступила, стараясь не видеть того, что свиньи делают лучше всего для преступных семей с тех пор, как те пришли к власти.

Звук бойни был достаточно ужасен и без лицемерия хруста зубов и отдирания плоти от костей. Сомнений не оставалось: эти хрушки были счастливее любой свиньи в дерьме за всю историю.

Перед тем как покинуть загон, она крикнула:

— Свиньи, мне жаль, что я должна вам это сказать. Это не ваша вина, не моя, ничья. Но это будет ваша последняя трапеза в этом загоне. Я оставила ворота открытыми. Как только закончите ужинать сегодня вечером, вы свободны — идите, куда ваши носы поведут. Я не знаю, что с вами случится, но желаю вам удачи.

Яна подобрала саквояж, полный денег, подожгла хижину и уехала в фургоне Бурова «Ford Transit» — жить долго и счастливо.

ЧУДОВИЩЕ ИЗ ВОЛЧЬЕЙ ПАДИ

Роман Пресняков согласился поехать на свадьбу своего бывшего соседа по институтской общаге в Волчью Падь, небольшой посёлок в Тверская области с населением тысяч десять, расположенный примерно в шестидесяти пяти километрах к юго-западу от Твери, в краях, где Роман ни разу не бывал. Когда пришло приглашение, он обрадовался: хотелось повидать Антона Бунина, одного из самых отчаянных бабников их общаги, который когда-то клялся, что будет жить вечно с одной женщиной. Но теперь, уже на подъезде к месту, Роман гадал, какая дурь на него нашла. Пятнадцать лет он не видел и не слышал ни об Антоне, ни о ком-либо из тех ребят — и ему было глубоко наплевать, как там у них сложилось.

Роман не ездил ни на школьные, ни на институтские встречи выпускников — мешала глухая неуверенность в себе. Внештатная журналистика едва сводила концы с концами: после института он ютился в убогой квартирке в пригороде Москвы и ездил на двадцатилетней Toyota Camry с двумя помятыми крыльями. Хуже всего был передний зуб — сильно сколотый, он бросался в глаза при каждом знакомстве и моментально создавал о Романи не лучшее впечатление.

На въезде в Волчью Падь он заметил вывеску мотеля

«Трасса»: «есть места» — три тысячи пятьсот рублей за ночь. Цена устраивала, а мотель находился недалеко от места завтрашнего приёма, поэтому Роман взял номер на две ночи.

Пока администратор говорил по телефону с другим потенциальным постояльцем, Роман разглядывал стенд с листовками у стойки. Первая бросилась в глаза — «Музей Чудовища из Волчьей Пади». Он прихватил её и ещё пару штук, а когда администратор положил трубку, быстро завершил регистрацию.

Позже, направляясь в местное кафе, которое посоветовал администратор, Роман заметил рекламный щит, наполовину скрытый высокой травой, — он рекламировал тот самый музей.

Кафе «Волчья Падь» находилось ближе к посёлку, чем музей, поэтому Роман припарковался у входа. Поднявшись по ступенькам, он вошёл в маленький тамбур и увидел на стене два больших постера к фильму «Чудовище из Волчьей Пади». Роман никогда не слышал ни об этой картине, ни об актёрах, игравших в ней. Судя по выцветшим и потрёпанным краям, фильм был далеко не новый.

Он прошёл в зал и уселся на высокий стул посередине длинной стойки. Единственным другим посетителем оказался старый ворчливый дед, пристроившийся на последнем стуле слева.

К нему подошла официантка — блондинка в несвежей униформе с глубоким вырезом, — протянула меню и улыб-

нулась слишком уж приветливо. Когда она вернулась за заказом, её голос растянулся:

— Что будешь, милый?

Роман поднял взгляд от меню и невольно заметил на её прыщавом лице заметные усики. Он ткнул пальцем в пластиковую страницу:

— Бургер, картошку фри и светлое пиво.

— Как прожарить бургер, милый?

— Средней прожарки. И ломтик сырого лука, пожалуйста.

Официантка заполнила зелёный бланк, оторвала листок и положила на окно между стойкой и кухней. Пожилой повар с большим кадыком, в белом фартуке в бурых пятнах, взглянул на заказ, бросил горсть картошки в кипящее масло.

Роман спросил официантку:

— Кстати, что за история с музеем? Он открыт или уже нет?

— О, музей давно закрыт. Понятия не имею, почему хозяин до сих пор не снял постеры. Наверное, нечем их заменить.

Она налила немного пива в запотевшую кружку, поставила бутылку на стойку и продолжила:

— Старый Николай Филин открыл его, когда фильм вышел, — в 2005-м. Здание стоит до сих пор, но музей не работал с тех пор, как Николай умер пять лет назад.

Роман заметил на её униформе бейджик с именем и ска-

зал:

— Спасибо, Марфа.

— Пожалуйста, милый.

Роман просматривал листовки из мотеля, пока не подошел заказ. Управшись с бургером и картошкой, он попросил ещё одно светлое пиво и счёт, а заодно спросил:

— Марфа, что ты можешь рассказать о чудовище из Волчьей Пади?

— Ну, эту тварь многие местные замечали за эти годы. Все, с кем я говорила, описывают её как огромного волосатого зверя, чем-то похожего одновременно на волка и человека, ростом больше двух метров. Одни говорят, что видели, как она бежала на четвереньках, другие — что она ходит как человек.

— Значит, наблюдений было много, раз даже фильм сняли.

— Да, фильм вышел после того, как группа местных жителей заявила, что видела её. Потом в посёлок приехала репортёрша по имени Лидия Воскресенская — хотела доказать, что чудовище — выдумка. Думала, это, скорее всего, крупный зверь — волк, медведь, огромная собака или какой-то придурак в костюме гориллы. Она говорила, что монстров не бывает. Забавно, но после того, как она опросила кучу народа, она решила, что чудовище реально, и даже написала про него книгу.

Роман налил себе ещё пива, машинально делая мыслен-

ные заметки:

— А ты сама как думаешь? Веришь или скептик?

— Милый, я понятия не имею. Знаю только, что многие клиенты сидели на твоём месте и рассказывали мне, что видели в лесу что-то огромное и страшное, не похожее ни на одного зверя, которого они когда-либо встречали.

— Правда?

— Да, и по лицам было видно, что они перепугались до чёртиков. Но, поскольку оно никогда не попадалось мне на глаза, я особенно не задумывалась об этом до января этого года.

— А что случилось в январе?

— Тогда двое подростков нашли за школьным футбольным полем наполовину объединенное женское тело. Один из них зашёл сюда перекусить вскоре после этого и рассказал мне, что видел.

У Романа от предчувствия сенсации зашевелились волоски на руках, пока Марфа продолжала:

— Он сказал, что после того, как увидел то тело, не мог спать по ночам. Одна рука была оторвана и лежала рядом с головой, глаза широко раскрыты. То, что это сделало, сожрало плоть с левой руки и с обеих ног — до костей. Остался только окровавленный скелет.

— Господи! — выдохнул Роман, и его слегка качнуло от этого рассказа.

— Извини, милый. Не стоило говорить такое сразу после

обеда.

— И власти пришли к выводу, что это сделало чудовище, о котором писала та репортёрша?

— Так заключил судмедэксперт Георгий Фролов после вскрытия. Он сказал, что обычное животное не стало бы отрывать женщине голову и руку — оно просто сожрало бы мясо. И он нашёл следы человеческой слюны в ранах.

— Ни хрена себе, Марфа, — Роман допил остатки пива. — Сколько людей убило чудовище до этого?

— До января не было доказательств, что оно когда-либо убивало людей. Находили только останки животных время от времени. Наверное, поэтому фильм и музей не имели успеха. Людям нужно много крови и трупов, воняющих в лесу, чтобы продавать билеты.

У Романа в голове закрутились шестерёнки: «Если раскопать это первым, такой материал может прогреметь на всю страну».

Марфа прервала его мысли:

— С января чудовище перестало быть легендой — оно стало людоедом. В этом году оно убило и съело пять человек, по одному каждый месяц в ночь полнолуния.

— Выходит, новость уже гремит на первых полосах здесь и на много километров вокруг. Участковый, егерь и толпы добровольцев прочёсывают лес уже полгода, но находят только изуродованные трупы. Ни следа, ни шерсти чудовища.

— Чёрт, — вздохнул Роман. — Шесть месяцев — похоже, я опоздал со статьёй.

Марфа заметила его разочарование и спросила:

— А почему ты вообще так интересуешься чудовищем?

— Я внештатный журналист, всегда ищу хорошую историю. Люди любят монстров и легенды — оборотней, вампиров. Половина населения верит в призраков. Не зря по телевизору столько передач о домах с привидениями.

Марфа посмотрела на потолочный вентилятор, медленно крутящий лопасти, и наконец сказала:

— Может, тебе стоит поговорить с сыном старого Николая Филина. Его отец основал музей, и он знает о чудовище больше, чем кто-либо здесь.

Роман скептически покачал головой:

— Уверен, все журналисты уже вытрясли из него всё, что можно.

— Не совсем. Многие репортёры пытались, но Бела — затворник. Он не доверяет людям и никому не открывает дверь, кого не знает.

Роман нахмурился:

— Бела? В смысле, Бела Лугоши, тот самый, который играл Дракулу? Странное имя. Никогда не встречал человека, которого так звали.

— Отец был помешан на старых фильмах ужасов. Вот и назвал сына в честь Лугоши. Бог знает, сколько проблем это имя доставило Беле в детстве.

Марфа убрала посуду со стойки и сложила её в поднос.

Роман сделал пометку в телефоне:

— Где найти этого Белу Филина?

— Он живёт в музее, примерно в полутора километрах отсюда по дороге направо. Но, как я сказала, он ни с кем не разговаривает.

Лицо Романа помрачнело:

— Сын Филина — мой единственный шанс добавить что-то новое. Без нового угла я труп. Чёрт. Похоже, я опоздал и остался без гроша.

Марфа усмехнулась:

— Не будь так уверен. Ты ещё не оценил силу убеждения Марфы.

— Ты хочешь сказать, что знаешь, как устроить мне встречу с ним?

— Так вышло, что я проучилась с ним с первого по восьмой класс, пока мама не умерла и мне не пришлось устроиться официанткой.

— Если сможешь помочь — я заплачу.

— Сколько, милый?

Роман прикинул свои финансы. В кошельке было чуть больше семи тысяч, кредитка почти выбрана до лимита.

— Как насчёт пяти тысяч?

— Пять тысяч! — просияла Марфа. — Договорились.

— Думаешь, я смогу поговорить с ним сегодня вечером?

Марфа нахмурилась, обдумывая, отошла к телефону на

стене и набрала несколько цифр. Роман видел, как шевелятся её губы, но она говорила слишком тихо. Закончив, она вернулась к стойке:

— Я заканчиваю в десять. Пойдём вместе, и ты сможешь поговорить с Белой о чудовище.

Роман потягивал ещё одно пиво до закрытия. Посетителей больше не было, поэтому Марфа и Руслан, повар, согласились закрыться на пятнадцать минут раньше. Ворчливый старик наконец собрался уходить. Когда Руслан вызвался запереть зал и погасить свет, Марфа жестом велела Роману допить остатки, чтобы ехать.

Выходя из кафе, Роман почувствовал, как по спине пробежал холодок, — он увидел, что луна полная.

«К чёрту, полный вперёд», — подумал он и вслух сказал: — Марфа, у тебя есть винтовка или дробовик в кафе, чтобы одолжить? Луна полная, и разговоры с Белой мне не помогут, если чудовище меня схватит.

Марфа улыбнулась, вернулась внутрь и через несколько секунд вышла с двуствольным ружьём двенадцатого калибра.

— Не волнуйся, это ружьё уложит и медведя.

Они сели в «Камри», и меньше чем через две минуты въехали на парковку музея. Марфа сказала:

— Я сказала Беле, что мы постучим в дверь в десять. Давай подождём в машине до тех пор.

Пока они ждали, по дороге Волчьей Пади не проехало ни

одной машины. Роман оглянулся по сторонам — нигде ни огонька. После долгой паузы он заметил:

— Ничего себе. У вас тут после девяти жизнь совсем вымирает?

Марфа кивнула:

— Не знаю, зачем мы вообще держим кафе открытым до десяти. После половины девятого на дороге почти никого.

В 9:58 Марфа сказала:

— Дело не в том, что я тебе не доверяю, милый, но деньги вперёд.

Роман кивнул, достал бумажник и отдал ей пять тысяч рублей. Они вышли из машины, подошли к входу в музей, и Марфа громко постучала в массивную дверь. Не дожидаясь ответа, она повернула ручку и толкнула створку — та со скрипом отворилась.

Одна лампочка свисала с потолка в центре, выхватывая из мрака лишь небольшой кусок огромного холла. Остальное пространство тонуло в темноте.

Роман услышал щелчок — и увидел, как Марфа отступила назад, а часть решётки с лязгом опустилась у него за спиной, отсекая его от выхода.

Марфа сложила ладони рупором и крикнула в темноту, словно созывая свиней на кормёжку:

— Иди сюда, Бела. Время ужина.

Роман остолбенел:

— Что ты делаешь, Марфа? Ты сказала, что я смогу пого-

говорить с Белой о чудовище за пять тысяч рублей.

— Извини, милый, я забыла тебе сказать. Бела — это и есть чудовище. И вместо того чтобы много говорить, он голоден, а его время ужина давно прошло. Бедный мальчик всегда ужасно голоден с тех пор, как его укусил человек-волк, и он сам превратился в чудовище.

— Ты привела меня сюда, чтобы он меня съел?

— Думаю, до тебя наконец дошла картина. Без обид, но нечасто кто-то из приезжих останавливается перекусить в кафе. Я изо всех сил стараюсь затащить туристов в музей для Белы, но, в отличие от тебя, большинству не нужен бесплатный билет в Музей Чудовища из Волчьей Пади.

— Зачем ты это делаешь? Кто он тебе?

— После смерти отца мне пришлось заботиться о младшем брате и добывать ему еду, где только можно. — Она снова сложила ладони и крикнула громче: — Бела, иди сюда. Ужин готов.

Внезапно вой — ледящий, выворачивающий внутренности — сковал душу Романа. Он почувствовал, как по ноге стекает тёплая моча, а в штанах стало мокро и липко.

Вглядываясь в темноту за тусклой лампочкой, он теперь различал пол — он был сплошь усеян человеческими черепами, разбросанными среди моря костей. Гнилостный запах ударил в ноздри, смешиваясь с сыростью и металлическим привкусом крови.

Где-то наверху слышались тяжёлые шаги — кто-то

спускался по лестнице со второго этажа. Каждая ступенька скрипела под чудовищной тяжестью. А затем раздался голодный рёв, от которого задрожали стены и половицы под ногами.

Из темноты, медленно, неуклюже, в тусклый круг света выступила фигура — отвратительная, гигантская, покрытая свалявшейся шерстью, настолько мерзкая, что, встретить её взгляд Медуза, окаменела бы сама. Глаза монстра горели жёлтым, а пасть раскрылась, обнажая ряды окровавленных клыков. Он замер на мгновение, принюхиваясь, — и Роман понял, что это мгновение — последнее, что у него осталось.

ПРИШЕЛЕЦ

У Егора Мальцева был крупный камень в почке, изза которого мочеиспускание превратилось в муку. Уролог отправил его на компьютерную томографию, чтобы понять, что делать дальше.

Он лежал внутри аппарата, процедура была примерно на середине, когда над зданием разразилась сильная летняя гроза. Очередной разряд, самый сильный, вызвал скачок напряжения — электричество моргнуло и погасло на долю секунды. Именно в этот миг Егор ощутил внутри черепа странную вибрацию. Когда свет загорелся снова и специалист закончил исследование, это чувство не прошло — оно осталось с ним до самого вечера.

На следующее утро, после беспокойной ночи, полной ворочанья и липкого пота, странное ощущение никуда не делось. Вместо работы Егор остался дома и записался к терапевту на завтра.

Сидя на смотровой кушетке в кабинете доктора Касаткина, он объяснил:

— Я был на середине процедуры, когда ударил скачок. Будто слабый электрический разряд прошел мозг насквозь. И потом, часов десять подряд, стоило закрыть глаза — я видел внутри головы яркий свет.

Врач посветил ему в зрачки ярким лучом, подождал около

тридцати секунд и спросил:

— Когда вы сейчас закрываете глаза, остаточное свечение ещё есть?

— Нет, теперь прошло. Но само ощущение осталось — такое же сильное, как и вчера.

— Опишите его ещё раз.

— Будто что-то проникло в мою голову в ту долю секунды и застряло там.

— Но боли нет?

— Нет, боли нет. Только жуткая тяжесть внутри черепа. Постоянно, и это невыносимо раздражает.

Доктор сделал пометку в телефоне:

— Я назначу МРТ. Сегодня днём можете пройти обследование в диагностическом центре при городской клинике. Результаты будут завтра.

Егор прошёл МРТ, а на следующий день доктор позвонил:

— МРТ никаких отклонений не показала. Я бы посоветовал подождать ещё пару дней — возможно, ощущение пройдёт само. Если нет, направлю вас к нейрохирургу.

— Раз боли нет, больше я пока ничего не могу сделать.

На следующий день Егор вышел на работу. Он чувствовал себя нормально, если не считать всё той же давящей тяжести в центре черепа — она не отпускала ни на минуту.

Утро прошло без происшествий. В обед он взял в кафе сэндвич с тунцом и кофе навынос. День выдался солнечный, тёплый, поэтому он направился в парк — в десяти минутах

хотьбы от офиса — поест и понаблюдать за прохожими в оставшуюся часть обеденного перерыва.

Дожевав сэндвич, Егор заметил знакомого незнакомца, который уселся на скамейку справа от него. Мужчина средних лет, в сером костюме в тонкую полоску и красном галстуке. Егор не знал его, но за эти годы много раз видел его на улице и в этом парке.

Внезапно лицо мужчины отделилось от головы — как маска. Оно парило перед лицом, синхронно повторяя все движения губ, глаз, бровей. Глаза маски оставались на своих местах, нос, рот, щёки — всё двигалось как положено. Но самое жуткое — то, что Егор увидел под маской.

Настоящее лицо было чудовищным, явно нечеловеческим. Зелёная чешуя покрывала кожу, вместо носа зияло маленькое отверстие, вместо зубов торчали длинные коричневые клыки. А по бокам головы, там, где должны быть уши, шевелились отвратительные антенны. Никаких сомнений: этот мужчина, которого он столько раз видел вокруг, не был человеком. Он был инопланетным существом.

Егор зажмурился на несколько секунд, надеясь, что это галлюцинация — последствия того скачка напряжения во время томографии.

Когда он открыл глаза, существо в сером костюме и красном галстуке смотрело прямо на него. Не было сомнений — оно поняло, что Егор видит его сквозь маскировку.

Лицо инопланетянина исказилось неподдельным ужасом,

а затем — злобой. Оно встало и направилось к нему с явным намерением убить. Глаза стали свирепыми, хищными. Руки превратились в зелёные когти, рот раскрылся вдвое шире, обнажая несколько рядов клыков, которые двигались взад-вперёд, словно отдельные циркулярные пилы.

Егор оглянулся на людей вокруг приближающегося монстра. Они что, слепые? Никто не видел того, что видел он.

Прямо перед тем, как тварь достигла его, мимо пробежал парень в спортивной форме. В руке он нёс бейсбольную биту — неподалёку на площадке несколько подростков играли в бейсбол.

Егор мгновенно выхватил биту. Изо всех сил он замахнулся на голову монстра.

Правый глаз существа и его коричневые клыки разлетелись осколками по тротуару. Второй глаз расширился от изумления, существо зашаталось и рухнуло на землю. Егор видел, как раны на голове монстра начали затягиваться прямо на глазах — плоть пульсировала, срасталась. Чтобы не дать твари оправиться, он снова и снова обрушивал биту на голову, пока от неё не осталось месива — ни человеческих, ни инопланетных черт.

Люди вокруг смотрели на Егора с неверием и отвращением, словно монстром был он, а не поверженное существо.

Откуда-то появились двое сотрудников полиции, повалили Егора на землю и защёлкнули наручники. Ещё патрульные машины выехали на тротуар, и место происшествия

мгновенно оцепили. Егора запихнули в машину и увезли в отдел.

Позже тем же днём следователь Борис Рамзин и оперативник Фёдор Воронов допрашивали Егора в комнате для допросов. Рамзин включил диктофон, с отвращением покачал головой, глядя на жуткие фото изуродованного тела, и процедил сквозь зубы:

— Вы утверждаете, что человек, на которого вы напали, Виктор Долин, был инопланетянином?

— Я не говорил, откуда он. Я сказал, что он не человек. У него была зелёная чешуя вместо кожи, коричневые клыки вместо зубов и чудовищные змеиные глаза. Я никогда не видел человека с такими чертами. А вы? Он был не человеком и собирался разорвать меня на части.

Рамзин поморщился:

— И зачем ему было делать это среди бела дня, в парке, полном людей? Он что, имел с вами какие-то счёты?

— Нет, я его вообще не знал. Я увидел его сквозь маскировку — больше никто не мог.

— Дюжина свидетелей показала, что вы без всякой причины напали на Виктора Долина с бейсбольной битой и разmozжили ему голову в кровавую кашу.

— Они видели то же, что и я всегда видел до сегодняшнего дня — нормального мужчину в деловом костюме, а не инопланетного монстра.

Рамзин парировал:

— И почему, чёрт возьми, именно вы были единственным, кто видел сквозь его маскировку?

Егор понимал, как нелепо будет звучать его объяснение, но другого выбора не было:

— В прошлый вторник во время томографии разразилась гроза, и удар молнии вызвал скачок напряжения. В моём мозге что-то изменилось. Думаю, именно после того скачка я начал видеть то, чего раньше не видел.

Воронов хлопнул себя по колену и усмехнулся:

— Ну, это, пожалуй, лучшая история из всего дерьма, что я слышал за двадцать лет в полиции.

Рамзин закатил глаза:

— И вы хотите сказать, что скачок напряжения заставил вас разmozжить голову Виктору Долину?

— Я уже сказал — я действовал в целях самообороны. Я видел, как хищник приближается ко мне. Он шёл прямо на меня и явно собирался расправиться со мной, прежде чем я успею рассказать, кто он на самом деле.

Рамзин вскинул руки:

— Вы намекаете, что Виктор Долин был не единственным инопланетянином в Москве?

Егор не успел ответить — раздался стук в дверь. Она приоткрылась, и в щели показался полицейский в форме. И снова, как и раньше, Егор увидел, как человеческая маска отделилась от его головы. Глаза инопланетного существа впились в него. Лицо Егора побелело, он в ужасе отшатнулся от

двери.

Рамзин и Воронов видели абсолютный, неподдельный страх в его глазах — не притворство. Они обернулись, чтобы посмотреть, что нужно офицеру, но тот уже исчез. Воронов бросился к двери, распахнул её, выглянул в пустой коридор. Никого. Он выругался и вернулся за стол.

Рамзин сказал:

— Похоже, вы только что увидели призрака, Мальцев.

— Не призрака, ещё одного инопланетянина, — отрезал Егор.

— Без сомнения, по городу бродят и другие. Офицер у двери был одним из них, а по дороге в отдел я видел ещё десять таких на улице.

— Ну-ну, — простонал Рамзин. Его телефон пискнул, он прочитал сообщение и продолжил:

— Судмедэксперт сообщил, что жена Долина пришла опознать тело, но после того, что вы с ним сделали, это невозможно. Вас хоть немного волнует, что дети этого человека больше никогда не увидят отца?

Егор рывкнул, не раздумывая:

— Если у Долина есть жена и дети, значит, они тоже инопланетяне. Их тоже нужно уничтожить.

Воронов стукнул кулаком по столу:

— Больной ублюдок! Если здесь и есть монстр, так это ты.

Рамзин выждал минуту, давая напарнику успокоиться, налил ещё одну чашку затхлого кофе и спросил с сарказмом:

— Вы хотите, чтобы мы поверили, Мальцев, что Москву захватили инопланетяне?

— Судя по тому, что я вижу с тех пор, как меня ударило током, я думаю, здесь замешано что-то зловещее. Но я сомневаюсь, что вторжение ограничится одной Москвой. В любом случае, если я прав, для меня это уже не будет иметь значения.

Рамзин попался на крючок:

— И почему же?

— Потому что эти инопланетяне знают, что я для них угроза. Я единственный, кто видит, кто из них кто. Неужели вы не понимаете? Они не оставят меня в живых. Я — ходячий мертвец.

Воронов снова обрушил кулак на стол — бумажные стаканчики с кофе подпрыгнули и опрокинулись.

— Господи, Борис, — заорал он, — ты веришь в ту херню, которую несёт этот клоун?

Раздался ещё один стук — и сразу второй, громче. Оба знали, что дверь не заперта, но никто не вошёл.

— Какого хрена? — Воронов вскочил и рванул к двери. Рамзин обернулся на стуле, следя за ним. Воронов распахнул дверь, выглянул в обе стороны коридора, почесал затылок:

— Какого хрена? Никого.

Когда они повернулись обратно, чтобы продолжить допрос, Егора не было. На стуле осталась только маленькая тёмная капля, а на полу — кончик зелёного когтя с острым,

как бритва, краем.

В комнате повисла тишина. Оба уставились на пустой стул, и им стало не по себе — не от холода, а от внезапной, липкой уверенности, что они только что видели то, чего быть не могло.

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Был уже поздний вечер. Марина вымоталась до предела — весь день она корпела над отчётом, от которого зависело её место.

Она подошла к раздвижным стеклянным дверям, потянула за шнур, чтобы задёрнуть шторы, и в тот же миг датчик движения на крыльце зажёг свет, залив задний двор жёлтым пятном. Она всмотрелась в темноту за ним — и увидела фигуру. Человек в маске, полностью в чёрном, стоял в трёх метрах от террасы и смотрел на неё.

Марина дёрнула шнур, шторы сомкнулись. Она метнулась к правому краю двери, в узкую щель между шторой и стеной, и выглянула наружу. Раздался глухой удар — она услышала, как он поднимается по ступенькам. Он приник к стеклу, пытаясь разглядеть что-то внутри. В тусклом свете она разглядела очертания смайлика на его маске.

Телефон уже был в руке. Она набрала 112, продиктовала адрес: «Коттеджный посёлок Лесной, Сосновая, 38», описала незваного гостя. Диспетчер сказал, что патруль будет через пять минут. Закончив разговор, Марина крикнула в сторону двери:

— Полиция уже едет, так что убирайся отсюда, жалкий извращенец.

Она прошла на кухню, чуть приоткрыла жалюзи — по-

смотреть, не сбежал ли он. Но вместо пустого двора к стеклу был прижат смайлик. Из прорези рта торчал красный язык.

— Слушай, козёл, я не шучу. Полиция на подходе. И, если ты не заметил, подпорная стена вдоль задней границы участка слишком высокая, чтобы ты мог перелезть. Тебя возьмут с поличным. Тебе не сбежать.

Сквозь боковые окна у входной двери Марина увидела, как на подъездную дорожку въезжают фары.

— Слишком поздно! — выкрикнула она. — Они здесь!

Раздался звонок в дверь. Марина бросилась открывать. Следом — стук, и властный голос:

— Лейтенант Макаров, полиция. Вы вызывали?

Сквозь стекло она увидела молодого человека в форме и отворила дверь.

— На заднем дворе кто-то в маске, весь в чёрном. Я не знаю, что он задумал.

Рация Макарова затрещала:

— Задний двор проверил. Пока чисто.

— Хозяйка утверждает, что видела человека в маске, — ответил Макаров. — Будь осторожен, Игорь.

И в следующую секунду Марина увидела, как в свете фонаря мелькнуло лезвие. Оно вонзилось в висок патрульного, и тёмный фонтан ударил по крыльцу, забрызгав лицо Марины горячими каплями.

Она захлопнула дверь в тот миг, когда офицер опрокинулся на спину и застыл на бетоне. Издалека донёсся вой сирен.

ны, и к дому подкатила машина скорой помощи, припарковавшись за полицейской. Марина снова набрала 112.

Оператор ответил сразу:

— Что случилось?

— Я только что звонила насчёт человека в маске у меня на заднем дворе. Когда полиция прибыла, он напал на офицера. Я думаю, он мёртв. И его напарник, и бригада скорой — они все в опасности.

— Ваш адрес?

— Коттеджный посёлок Лесной, Сосновая, 38. Вышлите ещё полицию, но предупредите — у него мачете или что-то с длинным лезвием.

— Где вы сейчас?

— У входной двери, в коридоре, я боюсь до смерти. Скажите всем, кто приедет...

Снаружи раздался крик:

— Эй, мужик, ты что делаешь? Я медик. Не трогай...

Начался вопль, затем глухие, рубящие удары сквозь дверь, а потом — тишина, слишком полная и тяжёлая.

Марина прильнула к боковому окну входной двери. Три тела лежали на крыльце и тротуаре. Со стороны улицы к ним бежал ещё один полицейский, на ходу выхватывая пистолет. Он увидел её сквозь стекло, она беззвучно шептала: «Будьте осторожны». Но он не остановился — он бросился к своему напарнику и приложил пальцы к его шее, пытаясь нащупать пульс.

Его лицо помрачнело, а затем исказилось яростью и отчаянием.

Сирены нарастали, взвизгнули шины — прибывало подкрепление.

Остаток ночи Марина провела, давая показания прибывшим следователям. Человек в маске исчез бесследно. Судмедэксперт установил, что орудием убийства было мачете: два медика и один полицейский — все погибли от жестоких рубящих ударов.

Двор и подпорную стену обыскали вдоль и поперёк. Дороги из посёлка перекрыли, но преступник словно испарился. Полиция обошла каждый двор, постучала в каждую дверь — безрезультатно. Следователь высказал предположение: убийца, вероятно, живёт здесь же, среди соседей, и после убийств просто вернулся в свой дом.

Прошли месяцы. Тайна оставалась нераскрытой. Марина провела множество бессонных ночей, раз за разом прокручивая в голове ту сцену. Она не понимала, зачем он вообще явился к ней. Единственное, что приходило на ум, — за несколько дней до того происшествия она сбила бездомную собаку без ошейника, которая выскочила на дорогу, когда она ехала с работы.

Марина не считала это своей виной. Просто несчастный случай. На животном не было никаких опознавательных знаков, она никогда раньше не видела эту собаку. Позже она обошла соседей — никто её не знал. Смотритель посёлка

предложил похоронить труп, и Марина с облегчением согласилась.

Неужели эта случайность могла толкнуть кого-то на такую жестокую месть? И если да, то зачем убивать троих невиновных, не имевших к тому отношения? Долгое время Марина ждала, что получит от преступника какое-то послание, связанное со смертью собаки, — но ничего не приходило.

Месяцы шли, тревога постепенно утихала.

А потом, глубокой ночью, она сидела за небольшим столом на кухне, разгадывала кроссворд и вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Шторы на раздвижных дверях были открыты. Она подняла глаза, подошла к стеклу — и там, во дворе, стоял он. Та же чёрная одежда, та же маска со смайликом. Он пожирал её глазами.

Телефон выпал из дрожащих пальцев, но она подхватила его и набрала 112.

Женский голос ответил:

— Что случилось?

— За мной снова наблюдают, тот же человек в маске, что и несколько месяцев назад. Он убил полицейского и двух медиков. Пришлите кого-нибудь, но предупредите — он вооружён.

Марина приоткрыла заднюю дверь и крикнула в темноту:

— Я вызвала полицию. Они уже едут.

Незнакомец не шелохнулся. Стоял как вкопанный.

— Зачем ты это делаешь? — взмолилась она. — Я правда

не понимаю, зачем ты меня терроризируешь.

Вдали завывали сирены. Марина бросилась к входной двери. Четыре полицейские машины въехали на подъездную дорожку, за ними — ещё. Восемь офицеров рассыпались по участку, окружили дом. Дополнительные экипажи перекрыли все выезды из посёлка. Они обыскали каждый двор, каждый куст, обошли все дома, опросили всех, кто мог что-то видеть. И снова незнакомец исчез, словно его и не было.

Месяц спустя Марина получила приглашение на встречу одноклассников — пятнадцать лет со дня окончания школы.

Она с нетерпением ждала этого вечера: хотелось увидеть старых друзей, узнать, кто женился, кто развёлся, кто растолстел, кто похудел, у кого что изменилось в жизни.

На прошлой встрече, пять лет назад, она отлично провела время. После ужина в загородном ресторане Елизавета Тихонова пригласила компанию к себе на дачу — выпить и поболтать до утра.

Тогда она особенно сблизилась с Мадриной Смирновой, которая в школе была гадким утёнком, а к тому времени превратилась в привлекательную, уверенную в себе женщину — партнёра крупной аудиторской компании. Марина вспоминала, как Мадина из полной, некрасивой троечницы с отсутствующим передним зубом стала стройной, элегантной и успешной. Насколько же меняются люди.

Она размышляла о контрастах: самый перспективный парень в классе, школьная звезда Роман Фролов, теперь рабо-

тал курьером в местной пиццерии, а та самая «неудачница» Мадина Смирнова сделала блестящую карьеру.

Леонид Донцов, её близкий друг, который всегда клялся, что уедет из этого городишки и будет строить мосты по всему миру, так и не уехал — женился на своей школьной любви и управлял местным рестораном быстрого питания.

Марина думала о Кирилле Фомине — он сидел позади неё почти на всех уроках. Кирилл всегда был полноватым и жутко застенчивым. Он никогда не приглашал её на свидание, но она всегда чувствовала, что он в неё влюблён без памяти.

И был ещё Денис Мельников. После школы он стал одним из самых разыскиваемых преступников страны — похитил и убил одиннадцать женщин, и его до сих пор не поймали. Марина ходила с Денисом на выпускной, и после танцев они целовались на заднем сиденье его старенькой машины, и он был тогда идеальным джентльменом.

Внизу приглашения было примечание: Мадина Смирнова погибла в автомобильной аварии месяц назад. Марину охватила печаль. Она так надеялась увидеть её снова.

На следующее утро она подтвердила организатору, что придёт, и перевела деньги за банкет.

В тот же день она сняла с полки старый школьный фотоальбом.

После первого случая с незнакомцем она ломала голову над всеми, кто мог иметь на неё зло: коллеги, клиенты, люди, с которыми она встречалась после выпуска, и даже те, кого

она видела на собраниях Анонимных Алкоголиков три года назад — она посещала их шесть месяцев. Тогда она думала о соперниках по работе, о тех, кто мог мстить за сбитую собаку. Но она никогда не рассматривала одноклассников.

Теперь она сидела за тем же кухонным столом, листала альбом и составляла новый список:

Евгений Круглов — встречались три недели в девятом классе.

Ярослав Горин — вместе сидели на последних уроках в десятом классе, несколько раз ходили в кино.

Зазвонил телефон. Марина сняла трубку:

— Алло.

Голос был знакомым, но она не могла его привязать к лицу.

— Марина, привет. Я хотел узнать, ты планируешь прийти на встречу?

— Я только что подтвердила. Очень жду. Твой голос такой знакомый, но я не могу вспомнить, кому он принадлежит.

— Удивительно, — сказал он. — Мы столько лет учились в одном классе, столько разговаривали.

— Не подсказывай. Я узнаю. Мы встречались?

— Нет, никогда. Это была моя вина. Я никогда не решался позвать тебя на свидание. Можно сказать, я боготворил тебя издалека.

— Правда?

— Абсолютно. Любовь с первого взгляда. Когда я впервые

увидел тебя, я понял — ты единственная, кого я буду любить. Ни одна другая девушка меня не волновала.

— Ничего себе. Ты меня заинтриговал.

— Марина, я хочу, чтобы ты знала: я похудел, я каждый день занимаюсь. У меня хорошая работа, красивый дом, который, я уверен, тебе бы понравился.

Она узнала его.

— Кирилл Фомин. Я всегда думала, что ты, возможно, в меня влюблён. Ты ведь каждый год просил мою школьную фотографию.

— И я дорожил каждой из них. С самого первого дня я старался быть там, где знал, что будешь ты.

— Где ты сейчас живёшь, Кирилл?

— В Лесном.

— В нашем посёлке?

— Я знаю. Я живу в соседнем доме.

Улыбка сползла с лица Марины. Она закричала:

— Это ты! Ты тот маньяк, который убил полицейского и двух медиков. Вот как ты сбежал, когда полиция перекрыла выезды. Ты просто зашёл в свой дом.

Она вскочила, повернулась к раздвижной двери, ведущей на задний двор, — и увидела смайлик, прижатый к стеклу всего в метре от неё. Он говорил с ней по телефону.

Кирилл печально всхлипнул в трубку:

— Значит, о свидании с тобой не может быть и речи?

КИТАЙСКИЙ ЗАГОВОР

Сергей Бродин получил вторую дозу «Спутника V» в конце марта 2021 года. К тому моменту пандемия COVID19 унесла миллионы жизней по всему миру — и в России, и за её пределами.

По данным РБК, для возвращения к нормальной жизни требовалось привить значительную часть населения. При нынешних темпах массовая вакцинация должна была приблизить конец пандемии уже к концу года.

Сергей проснулся в семь утра, как обычно, чтобы собираться на работу. Было 1 апреля 2024 года. Прошло три года с тех пор, как он получил вторую дозу. Жизнь потихоньку вошла в привычную колею, и худшее из пандемии осталось позади.

Он наконец раздобыл билеты в Большой театр. Три года назад он и представить не мог, что театры снова будут собирать полные залы. Болельщики снова заполняли трибуны футбольных и хоккейных матчей. Концерты собирали полные залы, как до карантина.

Сергей с женой снова приглашали друзей в гости, и те отвечали им взаимностью. На следующий месяц они вместе с несколькими друзьями забронировали отдых в Турции.

Их дети, Антон и Ольга, снова сидели за партами. На переменах они носились вместе с другими детьми и больше не

ходили в масках, не держались друг от друга на расстоянии полутора метров. Жанна, его прекрасная жена, по вторникам снова играла в бридж. Люди действительно снова тасовали карты, как в старые добрые времена. Компания Zoom подала заявление о банкротстве. Большинство мероприятий проходили очно, а не по видеосвязи.

Наступил новый рассвет, новый день, и 1 апреля 2024 года Сергей чувствовал себя хорошо.

Так было до следующего дня, 2 апреля 2024 года. По пути на работу в московском метро один из стоящих пассажиров в тёмносинем костюме внезапно рухнул на пол и начал биться в сильных судорогах. Он схватился за горло и хватал ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Пассажиры вокруг вскочили и шарахнулись в стороны, когда мужчина начал с безумным видом раздирать себе лицо ногтями.

С другого конца вагона к нему поспешил мужчина лет сорока в дорогом деловом костюме. Он опустился на колени рядом с бьющимся в конвульсиях телом, приложил пальцы к шее, чтобы проверить пульс, попытался перевернуть его и начать непрямой массаж сердца. Но прежде чем он успел принять нужное положение, глаза мужчины закатились, дыхание остановилось.

Через несколько секунд под телом расплылась тёмная лужа, и по вагону потянуло сладковатым, тяжёлым запахом смерти. Все пассажиры из этого вагона перешли в соседние — вправо и влево, лишь бы не видеть этого зрелища.

Сергею повезло: новый вагон оказался менее заполненным, и он нашёл место получше. Сквозь стеклянную дверь он мельком взглянул в тот вагон, который покинул, — он казался совершенно пустым.

Через несколько минут краем глаза он заметил какое-то движение в пустом вагоне. Обернулся — и увидел, что мужчина, у которого случился припадок, встал и, шаркая, направился к его вагону.

В тамбуре незнакомец прижался лицом к стеклу двери. Его глаза были мёртвыми, пустыми, изо рта по стеклу стекала слюна. Он уставился на Сергея с голодным, хищным оскалом.

Поезд с рёвом вкатился на станцию, двери открылись.

Сергей, не теряя времени, выскочил из вагона и взбежал по лестнице, перескакивая через две ступеньки.

Он понятия не имел, что произошло с человеком, которого несколько минут назад считал мёртвым. Но это была Москва — здесь за день можно было увидеть всякое. Сергей решил, что стал свидетелем какого-то дикого происшествия, о котором расскажет коллегам за обедом, а вечером — жене.

Но всё стало гораздо хуже, когда он вошёл в подземный переход. Пол был усеян телами в лужах крови. В разных углах группы людей отчаянно убивали друг друга. Человек без обеих ушей грыз руку того, кто сидел на скамейке и не подавал признаков жизни.

Всё это напоминало фильмы Джорджа Ромеро про зомби.

Сергей подумал: неужели прямо на его глазах разворачивается настоящий зомбиапокалипсис? Избегая любого контакта — с живыми или мёртвыми, — он бросился бежать из перехода на улицу.

Когда Сергей наконец вырвался за МКАД и направился домой в Подмоскovie, происходящее стало ещё страшнее: кровопролитие, людоедство и даже некрофилия — кто-то надругался над трупом прямо на обочине, не обращая внимания на крики прохожих.

Примерно за сорок минут до дома он позвонил жене Жанне по мобильному. Она ответила на втором гудке, но связь была ужасной — он едва разбирал слова.

— Жанна, — перебил он, — я еду домой. В Москве начался ад. Собери вещи и детей. Как только я приеду, едем на дачу. Буду примерно через два часа.

Он прижал телефон к уху, но неразборчивая речь превратилась в сплошной белый шум.

— Чёрт, — выругался он и сбросил вызов.

Когда Сергей наконец отпер дверь и вбежал в свой частный дом на Сосновой улице, его охватило чувство эйфории. Безумие исчезло, как только он закрыл дверь. Он благодарил судьбу, что добрался до места, где здравый смысл всё ещё торжествовал, до убежища, где зло, казалось, не существовало.

Измученный трёхполовинойчасовой дорогой, он плюхнулся в креслокачалку в гостиной и глубоко вздохнул. Он

хотел бы остаться здесь навсегда, никогда больше не сталкиваться с теми порождениями ада, но жизни его жены и детей были под угрозой, и нужно было двигаться дальше.

Из кабинета доносился голос телевизора — шло экстренное обращение президента к нации.

Он крикнул жене:

— Жанна, как я и сказал по телефону, в Москве мир сошёл с ума. Ты видела новости? Люди убивают друг друга, а мёртвые оживают и нападают на живых, как в «Ходячих мертвецах».

Сергей с трудом поднялся и выглянул в щель жалюзи на задний двор. Всё выглядело спокойно, как и утром. Возможно, апокалипсис ещё не добрался до Подмосковья.

Сверху донёсся шум. Он крикнул громче:

— Дорогая, хватай детей и чемоданы, спускайтесь. Нам нужно убираться отсюда к чёртовой матери, пока не поздно. Тишина. Он закричал вдвое громче:

— Жанна, ты слышишь? Давай, ради бога, я серьёзно!

В ответ — только голос телевизора в кабинете.

Сергей бросился через кухню к лестнице, по пути схватил яблоко из миски на стойке и откусил огромный кусок. Бег раззадорил аппетит.

Из кабинета донёсся голос президента:

«По данным Службы внешней разведки, пандемия COVID19 была частью китайского заговора с целью установления мирового господства. Китай создал вирус, а затем

способствовал распространению вакцин, которые остальной мир принял за спасение.

Роспотребнадзор совместно с ведущими эпидемиологами установил: каждый человек, получивший любую из вакцин против COVID19, ровно через 1100 дней превратится в агрессивного упыря и начнёт нападать и пожирать всех, включая близких.

Если вы всё ещё контролируете свои действия и любите свою жену и детей больше жизни, не колеблясь, немедленно покончите с собой любыми доступными средствами».

Сергей возмутился:

— Очередной фейк! Покончить с собой? Да вы с ума сошли?

Президент продолжал:

«В ответ Россия нанесла ядерный удар по территории Китая. Китай ответил встречным ударом».

Президент торжественно посмотрел в камеру и прочитал с суфлёра:

«С тяжёлым сердцем я обязан сообщить: мир, каким мы его знаем, перестанет существовать. Да смилуется Господь над нашими душами».

Он достал из стола револьвер, вставил дуло в рот и выстрелил. Экран погас.

Сергей не мог осмыслить увиденное.

— Я ошибся насчёт фейка. Если президент покончил с собой, значит, всё полетит к чертям. Жанна, где ты? Мы долж-

ны немедленно ехать на дачу!

В животе громко заурчало, накатил такой дикий голод, что он доел остатки яблока — вместе с сердцевинкой и семечками — за один укус.

Он взлетел по лестнице, перепрыгивая через четыре ступеньки, и направился в спальню. Жанна, должно быть, куда-то ушла. Но куда она могла пойти в такое время? Она ведь ответила на звонок. Может, вышла искать детей?

Проходя мимо комнаты дочери, он услышал хруст и рычание. Заглянул внутрь.

Его жена и сын сидели на полу в кровавом месиве из внутренностей. Он понял, что они пируют на его дочери Ольге — узнал её по кольцу в форме паука, торчавшему из ноздри наполовину съеденной головы.

Жанна и Антон отрывали и выдирали плоть с её костей зубами и ногтями, словно обгладывали жареную курицу.

Жанна подняла на него глаза — пустые, голодные, зомбиные — и сказала:

— Серёжа, закажи картошку фри с доставкой. Быстро. И приготовь разделочный нож, когда курьер позвонит в дверь. На Ольге слишком мало мяса, чтобы накормить всех троих.

НА ВЕЧНОСТЬ

Меня разбудил шёпот жены:

— Борис, в доме кто-то есть. Просыпайся.

Спросонья я потёр глаза, глянул на часы у кровати — половина четвёртого ночи.

Считая себя слишком молодым, чтобы умирать, я буркнул:

— И что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Возьми пистолет и пристрели этих уродов, пока они не утащили мои драгоценности!

— Нет. Пистолет в сейфе, и я не собираюсь рисковать жизнью ради твоих побрякушек. Звони в полицию.

Не успел я договорить, как на лестнице раздались тяжёлые шаги — кто-то поднимался, даже не пытаясь скрываться, и направлялся прямо к двери спальни. Я не поверил глазам, когда Клавдия выскочила из постели и щёлкнула выключателем. Резкий свет ударил по глазам, и сквозь пелену я увидел, как она стоит рядом с высоким мужчиной в капюшоне — он явно вломился в дом.

Клавдия рявкнула:

— Какая разница, где найдут тело, Роман? Врежь этому козлу как следует.

Я узнал голос своего делового партнёра Романа Шаркова.

— Спасибо за всё, партнёр. И напоследок: мы с Клавдией

трахаемся уже много лет.

Вспышка — и я почувствовал, как пуля рвёт грудь, разрывая сердце, а свет вокруг меня гаснет навсегда. Горячая волна разлилась по телу, и я провалился в чёрную, беззвучную пустоту.

В одно мгновение предо мной открылась величайшая из тайн. Я оказался среди бесконечных клубящихся белых облаков. Вдалеке виднелись жемчужные ворота, и я, паря, поплыл к ним. Внизу, там, где только что была моя смерть, — ничего, только холодная, стерильная белизна.

Навстречу вышел пожилой мужчина с длинной белой бородой, в развевающихся белых одеждах, и поманил меня. Я глянул вниз на свои руки — они были полупрозрачны, бестелесны, почти невесомы.

Оглянувшись, я увидел длинную вереницу таких же призрачных фигур, следовавших за мной. Но в отличие от старика, у них не было лиц, и все — включая меня — выглядели одинакового роста и веса; я не мог отличить никого из очереди. Поскольку мы стали «душами» и лишились тел, мы все казались идентичными.

Я приблизился к старику. Его губы не шевелились, но я слышал его телепатический голос:

— Ты — Борис Маслов.

Откуда он знает моё имя и как узнал без лица? Я сосредоточился, надеясь, что он «услышит» меня.

— Простите, но как вы определили, что я — Борис Мас-

лов?

— Я ангел, меня зовут Даниил, и я знаю о тебе всё.

Я попытался придумать что-то стоящее и мысленно спросил:

— Что мне теперь делать?

— Просто двигайся прямо. За этой облачной пеленой есть другие врата. Когда доберёшься, ангел по имени Иосиф ответит на все твои вопросы. Продолжай путь.

Время, по земным меркам, словно сжалось. Я достиг следующих врат, и ещё один старец с длинной седой бородой жестом пригласил меня присоединиться к группе других душ справа от входа.

Он представился:

— Я Иосиф, твой ангел-хранитель. Я здесь, чтобы сделать твою вечность в раю совершенной.

Я мысленно спросил:

— Можно задать несколько вопросов?

— Конечно.

— Воссоединюсь ли я с родителями, родственниками и друзьями здесь?

Иосиф покачал головой:

— Твоя жизнь на Земле — лишь капля в океане по сравнению с вечностью. Те отношения, что были у тебя, скоро станут бессмысленными. Ты встретишь бесчисленные другие души, с которыми разделишь бесконечность.

— Души работают в раю?

— Нет. Их единственное занятие — восхвалять Господа.

— Как же отличить одну душу от другой, если у всех одинаковый облик?

— Нет нужды запоминать или привязываться к кому-то. У всех душ одна мысль — благодарить Бога за благословения и славить Его имя вечно.

Я не верил своим ушам. Я только что попал в рай, а мне уже было скучно. Тишина здесь была не успокаивающей, а пустой, как бесконечный лист бумаги.

Иосиф перехватил мою мысль:

— Ты новичок. Ты не испил из Источника Вечного Блаженства — подождёшь следующей группы.

Он заглянул в мою душу, и меня внезапно наполнило непривычным ощущением удовлетворения, словно тёплый туман окутал сознание.

— Запомни: в раю нет денег, конкуренции, гордости, еды, музыки, спорта, телевизора, интернета, книг, любви друг к другу, секса, погоды, дня и ночи, боли, сна, болезней, преступности, убийств, сожалений, голода, зависти или любых человеческих желаний. Есть только бесконечная радость и счастье. Каждый здесь существует в состоянии вечного блаженства.

Я тут же спросил:

— А ад существует?

— Отдельного места для плохих людей нет. Те из верующих, кто не принял Иисуса Христа как Спасителя, живут в

другой части рая.

— Что там происходит?

— Они существуют в состоянии вечного проклятия — безбожные люди, не пьющие из Источника. Они бродят без цели, никогда не познают счастья, радости, удовлетворения. Они потеряны без Бога, без Иисуса.

— Значит, нет огня и серы, о которых проповедуют священники? Их души не горят вечно в мучениях?

— Нет, это человеческое заблуждение. Бог в своей бесконечной мудрости не стал бы создавать такое место для потерянных душ.

— А дьявол?

— Никогда не было и не будет существа, равного или более могущественного, чем Всемогуший Бог.

Я вспомнил курс религиоведения, который слушал в университете:

— Христианство исповедуют лишь около двадцати процентов населения Земли. А как же мусульмане, буддисты и те, кто никогда не слышал об Иисусе? Что с ними?

— Они в другой части рая. У Бога много имён, но истинный Бог един. Человек создал множество вероучений, доктрин и философий, но за каждой стоит один Бог. Те, кто соблюдал доктрины своей веры, заслужили право войти в рай.

Иосиф выдержал паузу:

— В других частях рая всё устроено так же: те, кто отверг собственные доктрины, тоже здесь, но они безбожны и поте-

раяны на вечность.

— У животных есть место в раю?

— Нет. Только те, кто обладает свободной волей и способен соблюдать или отвергать Божий замысел.

— Мне трудно осмыслить это, — вздохнул я. — Где моя часть рая?

Иосиф указал налево:

— Последователи христианства, ислама, иудаизма, индуизма, буддизма и других религий, а также неверующие — там, далеко отсюда.

— Огромная территория для всех этих вероисповеданий. А что в остальной части рая?

— Эта область отведена для вероисповеданий из других галактик вселенной. Есть галактики и планеты, не способные поддерживать жизнь, или где нет свободной воли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.